
РАКУРСЫ

И.Н. ТАРАСОВ, М.И. КРИШТАЛЬ, Е.Е. УРАЗБАЕВ*

ВЛИЯТЕЛЬНОСТЬ ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В СТРАНАХ БАЛТИИ

Аннотация. В статье раскрываются проблемы влияния этнотерриториальных факторов на электоральное поведение в странах Балтии. Особое внимание уделено вопросам расселения, формирования локальных этнитетов и связанным с этими эффектами этнического голосования, изменения и устойчивости электоральных предпочтений. Анализируется обширный массив статистических данных об этнической структуре отдельных административных единиц стран Балтии, о результатах выборов и разворачивании этнополитических процессов в Латвии, Литве и Эстонии. На основе формализованных критериев предложена первоначальная рабочая типология этнитетов с разделением их на совершенные, несовершенно и районы относительного этнического паритета. Значительное внимание уделено раскрытию предположения о неравномерном проявлении этнического голосования даже в близких по своим этнодемографическим характеристикам этнитетах. По мере углубления анализа и проверки начальных поло-

* **Тарасов Илья Николаевич**, доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра геополитических исследований Балтийского региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия), e-mail: ITarasov@kantiana.ru; **Кришталь Михаил Игоревич**, кандидат географических наук, научный сотрудник Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия), e-mail: MKrishtal@kantiana.ru; **Уразбаев Евгений Евгеньевич**, кандидат политических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия), e-mail: urazbaev@gmail.com

© Тарасов И.Н., Кришталь М.И.,

Уразбаев Е.Е., 2022

DOI: 10.31249/poln/2022.04.10

жений о долговременности этнитетов, об устойчивости и волатильности электоральных предпочтений, о корреляции между этническим расселением и этническим голосованием авторы приходят к уточнению рабочей типологии путем ранжирования прибалтийских этнитетов по влиянию этнотерриториальных факторов на электоральные процессы. На основе изучения отдельных практик политических субъектов по освоению этнических локалитетов предпринята попытка схематизировать основания этнотерриториальной дифференциации Прибалтики. В заключение раскрывается суть неравномерности влияния этнотерриториальных факторов, предложена уточненная типология этнитетов в странах Балтии с учетом нескольких показателей.

Ключевые слова: страны Балтии; этнитет; этническое голосование; этнотерриториальные факторы; расселение.

Для цитирования: Тарасов И.Н., Кришталь М.И., Уразбаев Е.Е. Влиятельность этнотерриториальных факторов на электоральные практики в странах Балтии // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 207–239. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.10>

Введение

Современная политическая география и этнополитика уделяют немало внимания вопросам расселения и политического статуса этнолингвистических общностей в разных регионах мира. Страны Балтии на протяжении всего постсоветского периода были и остаются привлекательным в этом отношении полем исследований. Интерес к этому региону Европы в отечественной политологии то возрастал, то угасал. Сегодня накоплен обширный исследовательский материал, появились новые данные, требующие надлежащей обработки, введения в научный оборот. Устоявшиеся представления об особенностях этнолингвистического расселения в Прибалтике, меняющихся политических предпочтениях и долговременных тенденциях служат надежным основанием для изыскательской работы. Вместе с тем этнополитическая ситуация в отдельных локалитетах в силу своей малой размерности далеко не всегда попадает в фокус внимания политгеографов. Нередко делаются обобщенные выводы относительно той или иной этнической группы, целого региона, более или менее крупной административной единицы, экстраполируемые на отдельные локальные территории. Наша гипотеза состоит в том, что этнотерриториальные факторы оказывают далеко не одинаковое влияние на предпочте-

ния избирателей даже в близких по своим характеристикам этнических странах Балтии.

Теоретико-методологическая база и источники

В качестве опорной нами взята теория этнического голосования. Исследователи отмечают, что в условиях многонационального общества этническая принадлежность зачастую является значимой основой для политической сплоченности, организации и действий [Rabushka, 1972, p. 35], включая участие в голосовании. В условиях, когда избиратель затрудняется с выбором партии или кандидата, именно этнический характер первой или этническая принадлежность второго могут стать для него решающими [Фарукшин, 2016, с. 81]. Это объясняется тем, что избиратели, голосуя за представителя своей этнической или конфессиональной группы, полагают, что он по причине общего с ними социального опыта будет лучше представлять их интересы [Forest, 2012]. Еще в 1965 г. Р. Вольфингер отмечал, что наиболее важные расколы электората проходят скорее по этническим, чем по экономическим линиям [Wolfinger, 1965, p. 903]. Р. Роуз, приводя в пример случай Северной Ирландии, отмечал, что абсолютное большинство протестантов отдавали свои голоса за юнионистов, а католиков – за ирландских националистов [Rose, 1972].

При этом этническое голосование не сводится исключительно к поддержке на выборах представителей исключительно своей этнической группы – избиратели могут проголосовать за партии или за кандидатов, принадлежащих к близкородственным этническим группам или выражающих в своей риторике территориальные интересы в ареале расселения этноса [Фарукшин, 2016, с. 81]. Также под понятие этнического голосования подпадает электоральная поддержка формально не этнических партий, выступающих в поддержку соответствующих этнофоров [Осколков, 2020 b, с. 115]. В целом же под феноменом «этнического голосования» понимается тип электорального поведения, при котором голоса избирателей распределяются в соответствии с их этнической принадлежностью. Авторы отмечают, что подобное проявление электорального поведения фактически неизбежно возникает в случае

существования в государстве нескольких численно крупных этнических групп [Осколков, 2020 b, с. 114].

Можно выделить несколько условий, способствующих проявлению этнического голосования. Базовым является наличие у всех представителей этнических групп избирательного права. Кроме того, существенными могут быть условия географического или территориального характера. Во-первых, важным фактором является территориальная концентрация этнических групп: в округах, где преобладает этническое меньшинство страны, как правило, побеждают представляющие их на выборах кандидаты [Goodnow, Moser, 2012, p. 172]. Во-вторых, имеет значение тип поселения: в сельской местности этническое голосование обладает большей интенсивностью, поскольку в ней, как правило, высока концентрация этнического экстракта. Напротив, такие характерные для города черты, как более высокий уровень плюрализма культуры и образования жителей, не способствуют формированию этнического голосования [Фарукшин, 2016, с. 82–83]. Важным фактором, способствующим интенсификации этнического голосования, выступает дискриминация и преследование этнической группой общего интереса [там же, с. 84]. С точки зрения расселения и демографического измерения существенное значение имеет относительная замкнутость этнической территории. Это может быть обусловлено ландшафтом (как, например, в Нагорном Дагестане), ориентацией на возможности трудовой занятости, традиции ремесла, аграрного и промышленного производства, расположения специфически этнических центров культуры или религии, обособлением в силу враждебности инокультурного окружения (этнические гетто). Таким образом, формируются этнитеты, проявляющие себя на уровне расселения, территориально-хозяйственного комплекса, воспроизводства культурных образцов и, наконец, политической организации. Наиболее заметным выражением такой политической организации в странах с демократическим режимом выступает этническое голосование.

В идеологическом плане оно зачастую имеет характер этно-территориального (или даже регионального), поскольку нередко воедино сливаются защита прав этнической группы и поддержка развития территории компактного проживания этноса. При этом этнические партии и объединения могут занимать различные позиции в идеологическом спектре. Этнофоры, в свою очередь,

могут голосовать как за более радикальную этническую партию, так и за более умеренную, в зависимости от их шансов пройти в парламент [Осколков, 2020 b, с. 115]. В этом отношении теория этнического голосования подчеркивает строгую рациональность электоральных предпочтений.

В начале реализации исследовательской программы нами был проведен вторичный анализ электоральных данных, почерпнутых из открытых источников, как опубликованных в научной периодике, так и размещенных в сети Интернет. Прежде всего это официальные сведения о выборах, кандидатах, политических партиях, избирательных кампаниях, предоставленные порталом официальной статистики Литвы¹, Департаментом статистики Литвы², Центральной избирательной комиссией Литвы³, Управлением государственной статистики Латвии⁴, Центральной избирательной комиссией Латвии⁵, Государственной службой по организации выборов Эстонии⁶, а также Департаментом статистики Эстонии⁷. Кроме того, нами были привлечены некоторые опубликованные документы политических партий и сообщения СМИ, касающиеся хода избирательных кампаний.

Попарное сравнение близких и различающихся по основным этнодемографическим характеристикам районов позволило нам выделить три группы локалитетов этнического разнообразия в Прибалтике. Первую группу составили совершенные этнитеты, в которых этническое меньшинство государства является наиболее крупной по численности группой в пределах определенного локального ареала; вторую – несовершенные этнитеты, в которых

¹ Портал официальной статистики Литвы. – Режим доступа: <https://osp.stat.gov.lt> (дата посещения: 14.06.2022).

² Департамент статистики Литвы. – Режим доступа: <https://www.stat.gov.lt/> (дата посещения: 14.06.2022).

³ Центральная избирательная комиссия Литвы. – Режим доступа: <https://www.vrk.lt> (дата посещения: 14.06.2022).

⁴ Управление государственной статистики Латвии. – Режим доступа: <https://www.stat.gov.lv/> (дата посещения: 14.06.2022).

⁵ Центральная избирательная комиссия Латвии. – Режим доступа: <https://www.cvk.lv> (дата посещения: 14.06.2022).

⁶ Государственная служба по организации выборов Эстонии. – Режим доступа: <https://www.valimised.ee> (дата посещения: 14.06.2022).

⁷ Департамент статистики Эстонии. – Режим доступа: <https://andmed.stat.ee> (дата посещения: 14.06.2022).

этническое большинство государства составляет относительное большинство в административной единице, а одно из этнических меньшинств составляет более 1/4 населения; третью – локалитеты относительного этнического паритета, где этническое большинство государства составляет абсолютное большинство, а этнические меньшинства составляют более 1/3 населения этого ареала. Все остальные административные единицы характеризуются в целом общими для своих стран этнодемографическими характеристиками расселения.

Поскольку мы столкнулись с массивом разнородных данных, требовавших упорядочения, нами были применены средства многомерного шкалирования в целях определения результирующей распространенности этнотерриториальных дискурсов. Применение средств такого шкалирования мы посчитали уместным, поскольку оно позволяет установить конфигурации объектов в пространстве низкой размерности. Объекты, характеризующиеся признаками, размещаются в нем на основе мер близости. Выборка данных при этом изображается наглядно. Применение метрических шкал оказалось в нашем случае затруднительным. Мы прибегли к технике неметрического шкалирования для качественных данных низкого уровня и использовали порядковые шкалы, где безусловными демаркаторами выступают лишь пороги значений [Shepard, 1962]. Это позволило подтвердить разделение локалитетов этнического разнообразия на три группы, установить наибольшую значимость этнического голосования в совершенных этнитетах, а затем предложить вариант их дифференциации. Многомерное шкалирование показало свою результативность и для электорального анализа. Стоит отметить, что в его рамках возможно и многомерное пространственное моделирование при определении, к примеру, близости позиций партий и избирателей [Ахременко, 2007, с. 51]. В электоральных исследованиях многомерное шкалирование позволяет не только изучать электоральное пространство, но и глубже анализировать политические предпочтения, выявлять факторы их формирования, определять сходные группы избирателей и характеризовать их. Среди примеров подобных исследований в последнее время выделяются практики изучения предпочтений и настроений в идеологическом пространстве, а также партийного ландшафта [Hare, Highton, Jones, 2021; Nameleers, de Vreese, 2020; Mölder, 2018]. Понимая необходимость

установления четких границ исследования, мы использовали далеко не весь арсенал многомерного шкалирования. С нашей точки зрения, здесь открыты методические перспективы продолжения изучения прибалтийского материала.

Таким образом, мы вплотную подошли к решению задачи пространственного распространения дискурсов. Определив интенсивность проявлений этнотерриториальной обусловленности электоральных предпочтений, нами были построены несколько простых карта-схем (по странам и регионам), где главным компонентом выступает, по сути, единственный указанный признак. Такой способ решения исследовательской задачи, с нашей точки зрения, является рентабельным, относительно простым, наглядным, доступным, не требующим сложных счислений и применения специальных картографических инструментов. Безусловно, мы понимаем, что возможны иные методические решения, не менее интересные, чем те, которые были предложены нами.

Этнотерриториальная дифференциация в странах Балтии

Известно, что общая этнодемографическая ситуация в трех странах Балтии имеет некоторые сходства и существенные страновые различия. Сближает эти страны то, что все они характеризуются многонациональностью. Наибольшее этническое разнообразие наблюдается в Латвии, где этнические латыши составляют 62,7% населения, Литва в этом отношении более гомогенна – 85,5% населения страны – литовцы. Ситуации в Латвии и Эстонии сходны тем, что этническое большинство здесь не превышает 70%, а наиболее крупное этническое меньшинство – русские – составляет более 24% населения. Эстония в этнодемографическом плане отличается тем, что за исключением русских в ней нет относительно численно крупного этнического меньшинства. Украинцы в Эстонии составляют 2,1% населения. В Латвии белорусы, украинцы и поляки в совокупности составляют 7,3%. В Литве наиболее крупные этнические меньшинства – это поляки и русские. При этом по отношению друг к другу этническое большинство в своих странах не представлено значительными внешними меньшинствами в соседних странах. Это обстоятельство существенно отличает страны Балтии от Венгрии или Балканских государств.

Таблица 1

**Основные этнические группы по странам
(% от общей численности населения, 2021 г.)¹**

Этническая группа	Латвия	Литва	Эстония
Латыши	62,7	0,1	0,3
Литовцы	1,1	85,5	0,2
Эстонцы	0,01	0,01	68,8
Русские	24,5	4,5	24,3
Поляки	2,0	5,7	0,1
Украинцы	2,2	1,4	2,1
Белорусы	3,1	1,9	0,9
Евреи	0,4	0,1	0,1

Рассматривая вопрос о расселении этнических меньшинств в странах Балтии, нетрудно заметить районы их компактного проживания. Сопоставив данные статистики по отдельным странам, можно различить локалитеты со специфической этнотерриториальной ситуацией. В одних административных единицах этнические меньшинства страны составляют большинство жителей, в других – этническое большинство страны не составляет такого в локальном ареале, в-третьих – при преобладании этнического большинства страны – этнические меньшинства в совокупности составляют более 1/3 населения. Отдельного внимания требуют столичные города. Руководствуясь сопоставительными критериями, описанными в теоретико-методологической части статьи, Рига нами отнесена к несовершенным этнитетам, Таллин к территориям относительного этнического паритета, Вильнюс в строгом смысле не может по своим этнодемографическим характеристикам быть отнесен к этнитетам, хотя здесь проживают численно крупные этнические меньшинства – поляки, русские, белорусы. В таблице 2 показаны локалитеты этнического разнообразия, классифицированные нами по выдвинутым критериям их этнодемографических характеристик.

¹ Источник данных: Управление государственной статистики Латвии. – Режим доступа: <https://www.pmlp.gov.lv>; Департамент статистики Литвы. – Режим доступа: <https://www.stat.gov.lt>; Департамент статистики Эстонии. – Режим доступа: <https://andmed.stat.ee> (дата посещения: 14.06.2022).

Таблица 2

Локалитеты этнического разнообразия в Прибалтике¹

Эстония	Латвия	Литва
Совершенные этнитеты		
г. Нарва (87,7% русские), Ида-Вирумаа (74% русские)	Зилупский край (53,7% русские), г. Даугавпилс (48,1% русские), Даугавпилсский край (40,1% русские)	д. Мядиникай (77,3% поляки), Шальчининкский район (76,3% поляки), д. Магунай (68,8% поляки), г. Висагинас (47,5% русские), Вильнюсский район (46,8% поляки), г. Пабраде (42,8% поляки)
Несовершенные этнитеты		
Волости: Муетвеэ, Пейпсизэре, Ряпина	Саласпилсский край, Олайнский край, Краславский край; города: Рига, Резекне	д. Свиркос (26,2% русские)
Относительный этнический паритет		
г. Таллин (36% русские), Харьюмаа (34,4% русские)	Города: Лиепая, Елгава, Юрмала (32,7% русские), Вентспилс; Екабпилсский край, Ропажский край, Прейльский край, Резекненский край (44,7% русские)	д. Яунонай (39% поляки), г. Лентварис (25,6% поляки)

Нетрудно заметить, что этнотерриториальная дифференциация в каждой стране имеет свои особенности. На рисунке 1 схематично отображена ситуация в Эстонии. Регион Ида-Вирума – единственный, где находятся совершенные этнитеты, среди которых выделяется город Нарва, где 87,7% населения – русские, а в целом по региону русские составляют 74% населения. Таллин и Харьюмаа представляют собой районы относительного этнического паритета, где русские составляют 36% и 34,4% населения соответственно. Заметим, что в Харьюмаа (включая Таллин) проживает более 614 тыс. человек, тогда как в Ида-Вирума – менее 133 тыс. человек. Таким образом, большинство русских Эстонии (в абсолютных цифрах) проживает в столичном регионе. Сопоставление этих районов представляет особый интерес. На юго-востоке Эстонии есть три волости, где также обнаруживают себя несовершенные этнитеты. Однако они не составляют самостоятельных политических единиц в электоральном смысле, поэтому для целей нашего исследования весьма затруднительно на таком локальном уровне зафиксировать эффекты этнического голосования и влияния этно-территориальных факторов.

¹ Источник данных: там же.

Рис. 1.
Этнотерриториальная дифференциация в Эстонии

В Латвии картина несколько сложнее и интереснее. На рис. 2 мы попытались отразить географию этнотерриториальной дифференциации в этой стране.

Рис. 2.
Этнотерриториальная дифференциация Латвии

В регионе Латгалия выделяются три административные единицы, которые по предложенной нами типологии удовлетворяют критериям совершенных этнитетов: Зилупский край, г. Даугавпилс и Даугавпилсский край. Здесь русские составляют относительное этническое большинство: в Зилупском крае – 53,7%, Даугавпилсе – 48,1, в Даугавпилсском крае – 40,1%. Эти районы соседствуют с Краславским краем, который, как и г. Резекне, отнесен нами к числу несовершенных этнитетов Латвии. В непосредственной близости расположены районы относительного этнического паритета или расселения численно крупных этнических меньшинств – Ропажский, Прейльский и Резекненский края. Латгалия и в особенности Даугавпилс представляют для нас особый интерес. В Латвии, так же как и в Эстонии, абсолютное большинство русских проживают в столичной агломерации – в Риге с населением более 630 тыс. человек, Саласпилсском и Олайнском краях, а также в городах Юрмала и Елгава. На общей картосхеме выдаются также три административные единицы, которые относятся к районам расселения численно крупных этнических меньшинств – Екабпилсский край, города Лиепая и Вентспилс.

В Литве единственным регионом, где заметна этнотерриториальная дифференциация, является Вильнюсский уезд – самый густонаселенный и экономически развитый регион страны. На рис. 3 схематично показано расположение Вильнюсского уезда; по классификации NUTS он отнесен к категории NUTS2 – его размерность по населению и экономическому вкладу сопоставима с остальной территорией Литвы.

В Вильнюсском уезде расположены локалитеты этнического разнообразия всех типов. На рис. 4 показана этнотерриториальная дифференциация уезда. Здесь выделяются территории с совершенными этнитетами: 77,3% населения д. Мядининкай составляют поляки, в целом по Вильнюсскому району – 46,8, в Шальчининкяйском районе – 76,3, в д. Магунай – 68,8, а в г. Пабраде – 42,8%. Единственный русский этнитет в Литве – г. Висагинас, где русские составляют относительное большинство (47,5%). К числу несовершенных этнитетов можно отнести д. Свиркос, где 26,2% населения – русские. В этой деревне проживает 707 человек, и она не образует самостоятельной электоральной единицы. Есть в Литве административные образования, которые характеризуются компактным расселением польского меньшинства в литовском окружении – д. Яунюнай (39% поляки), г. Лентварис (25,6% поляки).

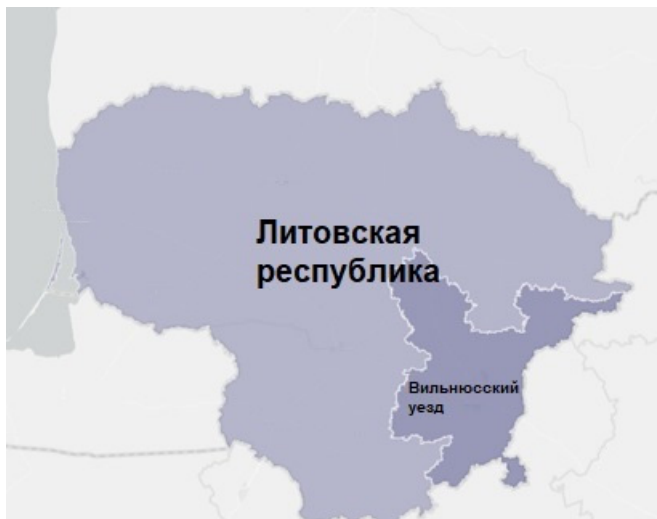

Рис. 3.
Вильнюсский уезд на схеме
территории Литовской Республики

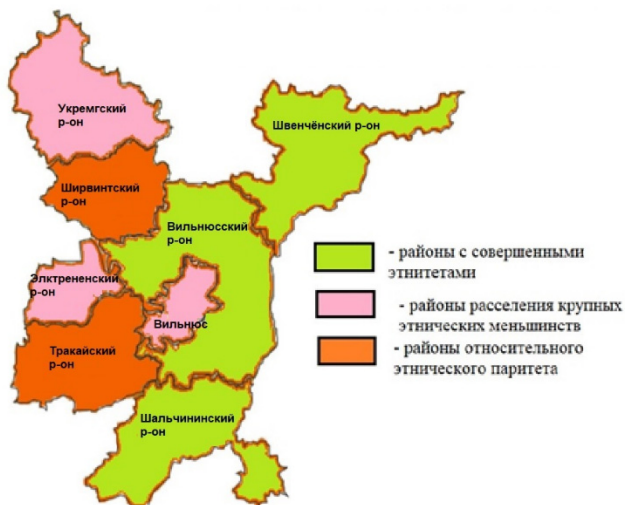

Рис. 4.
Этнотерриториальная дифференциация
Вильнюсского уезда Литвы

Интересна этническая картина в Вильнюсе. Так же, как в Латвии и Эстонии, в столице Литвы проживает большинство представителей этнических меньшинств в абсолютном исчислении. Однако по выдвинутым нами критериям Вильнюс не может быть отнесен ни к одному типу этнитетов, хотя здесь проживают более 85 тыс. поляков, более 53 тыс. русских и более 15 тыс. белорусов. Многонациональный Вильнюс требует отдельного исследования с применением иной исследовательской оптики.

Классифицировав различные локалитеты этнического разнообразия Прибалтики с целью проверки выдвинутой гипотезы, сосредоточим наше внимание на совершенных этнитетах, в которых этническое голосование должно проявляться наиболее явно.

В качестве контрольных нами взяты электоральные показатели выборов в общенациональные парламенты и муниципальные органы власти в пределах одного – последнего по времени – цикла. В табл. 3 показаны интересующие нас кампании. При попытке синхронизации сопоставления выяснилось, что для Литвы следует сделать оговорку. У нас нет и не может быть результатов местных выборов, завершающих нынешний электоральный цикл, поскольку они состоятся в 2023 г. Можно лишь сделать некоторые осторожные и предварительные предположения относительно этих выборов. Сдвиг темпоральной шкалы вниз означал бы для нас отказ от хотя бы относительной синхронизации сопоставления. При асинхронном кросс-национальном сравнении потери значимых результатов выше, чем оставление открытого сценария для грядущих выборов, хотя мы понимаем уязвимость такого подхода.

Таблица 3

Избирательные кампании, принятые в качестве контрольных

	Парламентские выборы 1	Местные выборы 1	Парламентские выборы 2	Местные выборы 2
Латвия	2014	2017	2018	2021
Эстония	2015	2017	2019	2021
Литва	2016	2019	2020	2023

Основной функцией политических партий является агрегирование, артикулирование и репрезентация общественных интересов. В парламентских демократиях именно политические партии оказываются наиболее эффективными проводниками интересов

этнических групп. Все без исключения страны Центральной и Восточной Европы исторически были частью различных империй (Российской, Австро-Венгерской, Османской), что отличает их от западноевропейских государств. Вследствие этого исторического наследия в новообразованных странах сохранились значительные территориально сконцентрированные этнические меньшинства [Панов, 2020, с. 20]. Страны Балтии не являются исключением. На этнический состав этих государств также повлияла масштабная эмиграция русского населения в советский период, вызванная милитаризацией и высокими темпами развития промышленности в прибалтийских республиках [Зайончковская, 2000, с. 12–13]. В результате после обретения ими независимости в странах Балтии появились предпосылки для возникновения этнорегионалистских партий, защищающих интересы этнических меньшинств, для которых, как правило, было характерно компактное расселение. В силу особенностей этнического состава рассматриваемых государств в Эстонии и Латвии сформировались политические партии, представляющие интересы русскоязычного населения, а в Литве – также и поляков.

Этнорегионалистские партии отличаются не только тем, что опираются на различные этнические группы, но также и рядом иных критериев: степенью политического влияния, характером их требований и траекторией развития [Панов, 2020, с. 21]. На положение этих политических сил в партийных системах влияет доля этнического меньшинства в общем количестве населения. Этот фактор непосредственно сказывается на электоральном потенциале политических сил, выступающих в защиту прав этнических сил. Еще одним фактором, влияющим на отличия этнорегионалистских партий, являются особенности политического и социально-экономического статуса этнических меньшинств. После получения странами Балтии независимости власти Литвы проводили наиболее либеральную политику получения гражданства этническими меньшинствами, реализовав нулевой вариант его предоставления. В то же время в Латвии и Эстонии был закреплён институт «неграждан». Такой статус получило большинство представителей русского меньшинства этих стран, что в том числе лишило их права участвовать в общенациональных выборах. «Несмотря на небольшие сдвиги, политика эмиграции, натурализации и интеграции очень медленно приближает к ожидаемым результатам и, как

следствие, слабо стимулирует растущую группу представителей молодого поколения русскоязычного населения участвовать в социальной, экономической и политической жизни страны» [Тарасов, 2019, с. 41].

Эстония

В Эстонии с начала 1990-х годов основной поддержкой русских, обладающих правом голоса, пользовалась Центристская партия, которая в своей программе защищала нужды этой этнической группы. В результате партия традиционно получала наиболее высокую поддержку в северо-восточном уезде Ида-Вирумаа и в Таллине, где компактно проживает русское население страны [Осколков, 2020 а, с. 5–6]. Еще одной причиной, по которой русское население активнее поддерживает центристов, является то, что эта этническая группа находится в более сложном экономическом положении, чем этнические эстонцы. Центристская партия позиционирует себя в качестве политической силы, представляющей интересы беднейшей части электората Эстонии [Ланко, 2015, с. 72]. В то же время на последних общенациональных выборах обнаружила себя новая тенденция: этнические русские все активнее поддерживают иные парламентские партии [Ланко, 2015, с. 69]. В частности за Партию реформ, придерживающуюся идеологии инклюзивного правого либерализма [Осколков, 2020 а, с. 11]. С одной стороны, это вызвано все большим вниманием парламентских партий к русскоязычному электорату. Так, на выборах 2019 г. председателем Социал-демократической партии был этнический русский Е. Осиновский. Даже национал-популистская Консервативная народная партия Эстонии стала рассматривать русскую общину как возможного союзника в антиэмигрантских кампаниях. Во многом причиной оттока русского электората стало вхождение в 2016 г. центристов в правящую коалицию с правым «Союзом Отечества и Res Publica» и осуждение руководством партии действий России в Крыму в 2014 г. [Осколков, 2020 а, с. 11–12].

Партии, позиционирующие себя в качестве «русских», не пользуются широкой поддержкой даже среди русскоязычного электората в течение всего периода независимости Эстонии. Так,

Объединенная народная партия Эстонии, в 2006 г. превратившаяся в Конституционную партию, а в 2008 г. – в Объединенную левую партию Эстонии (образовав союз слевой партией Эстонии, получила представительство в парламенте только в 1995 г. (в блоке «Наш дом – Эстония» с Русской партией Эстонии) и 1999 г.) Русская партия Эстонии, также не пользовавшаяся широкой популярностью, в 2012 г. вошла в состав парламентской Социал-демократической партии Эстонии.

Таблица 4

Электоральная результативность этнических партий на парламентских выборах в Эстонии¹

1995	Центристская партия (14,17%), Наш дом – Эстония (5,87%), Справедливость (2,27%)
1999	Центристская партия (23,41%), Объединенная народная партия Эстонии (6,13%), Русская партия Эстонии (2,03%)
2003	Центристская партия (25,4%), Объединенная народная партия Эстонии (2,25%), Социал-демократическая партия труда Эстонии (0,42%), Русская партия Эстонии (0,2%)
2007	Центристская партия (26,08%), Конституционная партия (0,99%), Русская партия Эстонии (0,2%), Левая партия Эстонии (0,11%)
2011	Центристская партия (23,32%), Русская партия Эстонии (0,87%)
2015	Центристская партия (24,81%); Объединенная левая партия Эстонии (0,13%)
2019	Центристская партия (24,81%), Объединенная левая партия Эстонии (0,09%)

Расчет индекса Педерсена для Эстонской партии центра при голосовании в Ида-Вирумаа показывает снижение волатильности электоральных предпочтений. Так, общая оценка в цикле 2015–2019 гг. равна 4,14 (59–52,9 / 2). При этом индекс составил 3,05 в

¹ Источник данных: Государственная служба по организации выборов Эстонии. – Режим доступа: <http://vvk.ee/> (дата посещения: 14.06.2022).

первой фазе цикла, а во второй – 1,1. По всей видимости, конкуренция со стороны новой партии Eesti200, также пытающаяся взять на вооружение региональную и этнокультурную проблематику, не произвела существенного впечатления на избирателя. В таллинском округе № 2 (Ласнамяэ) Э200 получила 5,3% голосов, тогда как в Ида-Вирумаа лишь 3,7%. Если сравнить результаты ЭПЦ в этнитегах региона с результатами по стране в целом, то заметна более существенная разница: 34,2% в 2015 г., 25,6 в 2017 г. и 27,6% в 2019 г. Очевидно, устойчивость электоральных предпочтений здесь обусловлена фактором этнического голосования. В Нарве, Кохтла-Ярве и в целом по региону популярны местные политики и те, кто позиционирует себя в качестве проводников интересов этнических русских. Если Яна Тоом выступает в качестве локомотива избирательной кампании, то узнаваемые региональные политики, такие как Михаил Стальнухин, пришедший в местную политику еще в начале 1990-х годов, формируют содержание актуальной этнической повестки.

Латвия

С момента обретения независимости в Латвии на выборах фиксируется этнолингвистический раскол между партиями [Окунев, Жирнова, 2019; Солопенко, 2016, с. 164]. В результате в партийной системе Латвии возникло разделение на «русские» и «латышские» партии, опирающиеся на две крупнейшие этнолингвистические группы страны. Партии, получающие поддержку преимущественно в районах с высокой долей русского населения, были представлены в ходе всех общенациональных избирательных кампаний. Несмотря на общность электората, с 1993 г. лишь на выборах в Седьмой (1998) и Восьмой (2002) сейм «русские» партии выступали единой коалицией. Отсутствие политического единства «русских» партий кроется во многом в их различном институциональном происхождении. В последние годы существования СССР одна часть представителей русской общины поддержала Народный фронт и предоставление Латвии независимости, другая выступала за Интерфронт и целостность страны [Мусаев, 2017, с. 180]. Впоследствии, уже на первых общенациональных выборах 1993 г., русские сторонники Народного фронта будут представлены партией «Согласие для Лат-

вии – Возрождение для народного хозяйства», а приверженцы Интерфронта – партией «Равноправие». Отметим, что еще после выборов 1990 г. в Верховный совет Латвийской ССР сформировалась одноименная фракция «Равноправие», состоявшая из участников Интерфронта [Уразбаев, Ямалова, 2020, с. 64]. На современном этапе этот раскол продолжает существовать в лице преемников данных политических сил: социал-демократической партии «Согласие» и «Русского союза Латвии». «Согласие» при этом обладает существенно большей электоральной поддержкой. Это было во многом обусловлено личной популярностью ее лидера Н. Ушакова, успешной рекламой партии через Первый Балтийский канал, а также надеждами русскоязычного электората, что партия сможет войти во власть [Жирнова, 2022, с. 147]. При этом география голосования за эти партии очень схожа: максимальное количество голосов они набирают в Латгалии, Риге и Пририжье, где наиболее высокая доля русского населения [Жирнова, 2022, с. 148–149].

«Русские» партии характеризуются как силы левого и левоцентристского толка, что связано не столько с особенностями их социально-экономической программы, сколько с их «пророссийскостью» [Воротников, 2018, с. 85]. В то же время между этими партиями существуют идеологические расхождения. «Согласие» демонстрирует большую умеренность в сравнении с «Русским союзом Латвии» в вопросах статуса русского языка в Латвии, членства в НАТО, прав неграждан [Кришталь, 2019 b, с. 722–724; Кришталь, 2019 a, с. 156–157] и т.д.

В июне 2021 г. в Даугавпилсе состоялись выборы в самоуправление. По итогам избирательной кампании представительство в городской думе получили партии, представляющие интересы русскоязычных избирателей на общенациональном уровне: «Согласие» и «Русский союз Латвии»: 7 и 1 мандат соответственно. Именно эти партии впоследствии сформировали правящую коалицию в городе.

Таблица 5

Электоральная результативность этнических партий на парламентских выборах в Латвии¹

1993	Согласие для Латвии – Возрождение для народного хозяйства (12,01%), Равноправие (5,76%), Русский национал-демократический список (1,16%)
1995	Социалистическая партия Латвии (5,76%), Партия народного согласия (5,58%), Партия русских граждан Латвии (1,25%)
1998	Партия народного согласия (14,2%)
2002	За права человека в единой Латвии (19,09%)
2006	Центр Согласия (14,52%), За права человека в единой Латвии (6,06%), Дзимтене (2,08%)
2010	Центр Согласия (26,61%), За права человека в единой Латвии (1,47%)
2011	Центр Согласия (28,62%), За права человека в единой Латвии (0,78%)
2014	Социал-демократическая партия «Согласие» (23,15%), Русский союз Латвии (1,59%)
2018	Социал-демократическая партия «Согласие» (19,92%), Русский союз Латвии (3,22%)

Таблица 6

Результаты голосования на выборах самоуправления в Даугавпилсе (2021)²

Политическая партия	% голосов	мест
Согласие	42,25	7
Наша партия	14,12	3
Латгальская партия и Для развития Латвии	13,25	2
Партия Даугавпилсского края	9,64	2
Русский союз Латвии	8,22	1

¹ Источник данных: Центральная избирательная комиссия Латвии. – Режим доступа: <https://www.cvk.lv/en/elections/saeima-elections/6th-saeima-elections> (дата посещения: 14.06.2022).

² Источник данных: Центральная избирательная комиссия Латвии. – Режим доступа: <https://pv2021.cvk.lv/pub/en/daugavpils/candidate-lists/musu-partija> (дата посещения: 14.06.2022).

В своих программах эти политические силы выступали в поддержку русскоязычного населения Даугавпилса. Причем «Русский союз Латвии» проявлял себя наиболее активно, акцентируя в своей программе внимание на том, что партия представляет интересы всех жителей Даугавпилса независимо от национальности и родного языка и прилагает особые усилия для поддержки русской культуры, включая сохранение исторических памятников советского и российского периодов. Также стратегия «Русского союза Латвии» строилась на аккумулировании поддержки и иных этнических меньшинств, проживающих в Даугавпилсе. Поэтому партия выступала за финансирование дистанционного обучения на русском, польском и белорусском языках и организацию на них дополнительных занятий. Программа «Согласия» была, в свою очередь, более умеренной. В ней партия ратовала за право обращаться в органы власти на родном языке. Отметим также, что еще до выборов 2021 г. в Даугавпилсе «Согласие» выступало за восстановление регионального аэропорта в городе¹.

Анализируя национальный состав списка кандидатов двух партий, можно отметить, что в «Русском союзе Латвии» заметно преобладали этнические русские (87,5%). Оставшиеся 12,5% были поляками, что вновь подтверждает тезис о том, что данная партия пытается аккумулировать поддержку также других этнических меньшинств. В то же время в списке «Согласия» кандидаты, идентифицирующие себя как латышей и русских, были представлены примерно в равных долях: 27,8% и 22,2% соответственно, при этом около трети – 38,9% – не указали свою национальность.

Занявшая второе место «Наша партия», возглавляемая действующим мэром Даугавпилса Игорем Прелатовым, практически не поднимала в своей программе национальную тематику, ограничившись обещаниями поддержки национально-культурных объединений, общественных организаций и религиозных конфессий. «Партия Даугавпилсского края» в предвыборной программе обещала обеспечить дополнительное изучение родного языка, включая латгальский.

¹ Программа Социал-демократической партии «Согласие» на выборах 14-го Сейма. – Режим доступа: <https://saskana.eu/ru/programma/> (дата посещения: 15.06.2022).

Единственная политическая сила, получившая представительство в городской думе Даугавпилса и не освещавшая в программе национальной тематики, – регионалистская «Латгальская партия», возглавляемая первым заместителем мэра Янисом Лачплесисом. Эта партия выступала на выборах единым списком с партией «Для развития Латвии» под лозунгом «Латвия – не только Рига!» и заняла на выборах третье место с результатом 13,25%.

Из партий, не получивших представительства в законодательном органе власти, лучший результат (4,06%) у «Альтернативы» – еще одной партии, опирающейся на русскоязычный электорат. По сути, эта политическая сила представлена политиками, ранее входившими в «Согласие». В то же время такие релевантные на общенациональном уровне политические игроки, как «Союз зеленых и крестьян Латвии» и «Новая консервативная партия», не получили широкой поддержки избирателей Даугавпилса, набрав 2,88 и 1,28% соответственно.

Литва

Этнополитическая ситуация в Литве существенно отличается от латвийского и эстонского случаев. Наиболее значимое отличие – отсутствие института неграждан. Принятый еще в 1989 г. закон распространял гражданство Литвы на самую широкую категорию – лиц, «которые до даты вступления в силу настоящего закона постоянно проживали на территории Республики и имеют здесь постоянное место работы или постоянные легальные средства к существованию. Эти лица свободно принимают решение о гражданстве в течение двух лет с момента вступления в силу настоящего закона»¹. Вопреки распространенному мнению о том, что так называемый нулевой вариант автоматически наделял литовским гражданством все население ЛитССР, этот закон лишь предоставлял право на беспрепятственное приобретение гражданства постоянными жителями республики в соответствии с их волеизъявлением. В последующем, несмотря на обширную и идеоло-

¹Lietuvos Tarybų Socialistinės Respublikos pilietybės įstatymas. XI-3329. 1989-11-03. – Mode of access: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.18854?jfwid=pd6eq7sif> (accessed: 14.06.2022).

гически разнонаправленную критику, это установление не подвергалось какой-либо существенной дискриминирующей корректировке в процессе новеллизации литовского законодательства о гражданстве. Такая ситуация придала всем этнополитическим процессам, включая образовательную и языковую политику, характер внутренней дискуссии о правах граждан Литвы на реализацию своих этнокультурных, лингвистических и иных социальных потребностей. Мы далеки от идеализации литовского случая, но в сопоставлении с позорной практикой негражданства в Латвии и Эстонии он выглядит более respectable и цивилизованным решением вопроса, имеющего большое значение для повседневной жизни людей вне зависимости от их этнической принадлежности и происхождения.

Наиболее многочисленной этнической группой в Литве являются литовцы, их доля в общей этнической структуре населения в 1989–2021 гг. выросла с 79,6 до 85,5%¹. Наибольшее сокращение численности наблюдается у русских Литвы – более чем на 200 тыс. человек за период 1989–2021 гг. на фоне общей убыли населения страны на 23,5% за этот же промежуток времени. Безусловно, этнодемографическая ситуация не остается статичной, постепенно соотношение численности этнических групп в отдельных локалитетах заметно меняется в пользу литовцев (например, в Клайпеде и Шауляе). И все же этнические меньшинства в постсоветский период в основном сохранили привычные ареалы расселения в республике.

Свое политическое выражение этничность в Литве обрела практически с началом процесса демократизации. Если в начале 1990-х годов интересы этнических меньшинств пытались артикулировать крупные левые и левоцентристские силы, такие как Демократическая партия труда Литвы и Литовская социал-демократическая партия, то затем появились собственно этнические партии. В 1994 г. общественное движение «Союз поляков Литвы» было преобразовано в «Избирательную акцию поляков

¹ Здесь и далее сопоставляются данные: Всесоюзная перепись населения 1989 года.

Национальный состав населения по республикам СССР. Литовская ССР. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=8; Nuolatinių gyventojų skaičius. – Mode of access: <https://osp.stat.gov.lt/statistiniu-rodikliu-analize?hash=88f10685-cd22-44df-a087-d76dd5d5f892#/> (accessed: 14.06.2022).

Литвы», в 1995 г. основан «Союз русских Литвы», в 1996 г. – «Альянс граждан Литвы» (ныне – Гражданская демократическая партия), в 2002 г. – «Русский альянс» и «Польская народная партия» (ныне – «Республиканская лига»).

Таблица 7

Электоральная результативность этнических партий на парламентских выборах в Литве

1992	Союз поляков Литвы (2,14%), <i>Демократическая партия труда Литвы (43,89%), Литовская социал-демократическая партия (6,05%)</i>
1996	Избирательная акция поляков Литвы (2,98%), Альянс граждан Литвы (2,43%), Союз русских Литвы (1,63%)
2000	Избирательная акция поляков Литвы (1,95%), <i>Социал-демократическая коалиция Альгирдаса Бразаускаса (31,08%)</i>
2004	Избирательная акция поляков Литвы (3,79%), <i>Партия труда (28,44%)</i>
2008	Избирательная акция поляков Литвы (4,79%), Союз русских Литвы (0,92%)
2012	Избирательная акция поляков Литвы (5,81%), <i>Партия труда (19,82%)</i>
2016	Избирательная акция поляков Литвы – Союз христианских семей (5,49%), <i>Партия труда (4,69%)</i>
2020	Избирательная акция поляков Литвы – Союз христианских семей (4,80%), <i>Партия труда (9,43%)</i>

Примечание: курсивом выделены партии, выдвигавшие в своих списках кандидатов, представлявших этнотерриториальные интересы.

Электоральный успех этнических партий в Литве нередко сопряжен с их коалиционным потенциалом. Так, Союз русских Литвы делегировал в разное время своих кандидатов в списки Социал-демократической партии труда Литвы, Литовской социал-демократической партии, Социал-демократической коалиции Альгирдаса Бразаускаса, Избирательной акции поляков Литвы, но наиболее долговременным стало партнерство с Партией труда, которая была основана в 2003 г. по инициативе Виктора Успаских. В 2012 г. Лидер «Союза русских Литвы» Сергей Дмитриев стал

депутатом Сейма, а в 2019 г. был избран депутатом вильнюсского городского самоуправления, выдвигаясь от Партии труда.

Смешанная избирательная система позволяет время от времени находить сильных местных политиков, способных выражать этнотерриториальные интересы. Интересен случай Висагины, который отнесен нами к совершенным этнитетам, где русские составляют 47,5% при населении в 19 446 человек. В совете висагинского самоуправления 25 мест, которые замещаются в результате выборов по мажоритарной системе абсолютного большинства в одномандатных округах. Последние по времени выборы здесь прошли в марте 2019 г. Шесть депутатов были избраны от висагинского избирательного комитета «Висагинас – это мы!» (Иван Хоменко, Айрида Друс, Вячеслав Готовский, Ольга Колесникова, Екатерина Кукалова, Евгений Шуклин), еще три мандата получили кандидаты от местной коалиции Избирательной акции поляков и Русского альянса (Олег Быков, Зигфрид Бинкевич, Дмитрий Икоников). От общенациональных партий были избраны 15 депутатов, еще один вел избирательную кампанию как самовыдвиженец. При этом из 16 депутатов шесть человек являются представителями этнических меньшинств Литвы. Нетрудно заметить, что по результатам местных выборов 2019 г. в Висагине эффект этнического голосования проявился в полной мере. Линейный коэффициент корреляции Пирсона в расчете по показателю этнического представительства русского меньшинства в локалитете и выборном органе власти составляет 0,9807, а в расчете по показателю голосования за этнотерриториальные избирательные объединения – 0,8384. Опираясь на шкалу Чеддока, можно смело утверждать, что влияние этнотерриториальных факторов электорального поведения в Висагине по первому счислению – очень высокая, по второму – высокая. Конечно, такая картина получена в статике и в масштабе малой размерности. Вместе с тем с точки зрения политической географии «точка Висагины» может быть принята в качестве более или менее надежного ориентира.

Если взглянуть на интенсивность голосования за «Избирательную акцию поляков Литвы – Союз христианских семей» на выборах в Сейм в 2020 г. (см. рис. 5), то здесь явно выделяются избирательные округа в пределах совершенных этнитетов Вильнюсского уезда (в Шальчининском, Вильнюсском и Швенчёнском районах) и Висагине. Партия сохраняет строгий этнотерри-

ториальный профиль. Оставаясь сугубо этнической и региональной, она эффективно удерживает свой ядерный электорат, балансируя на линии заградительного барьера на общелитовских выборах [Тарасов, 2021].

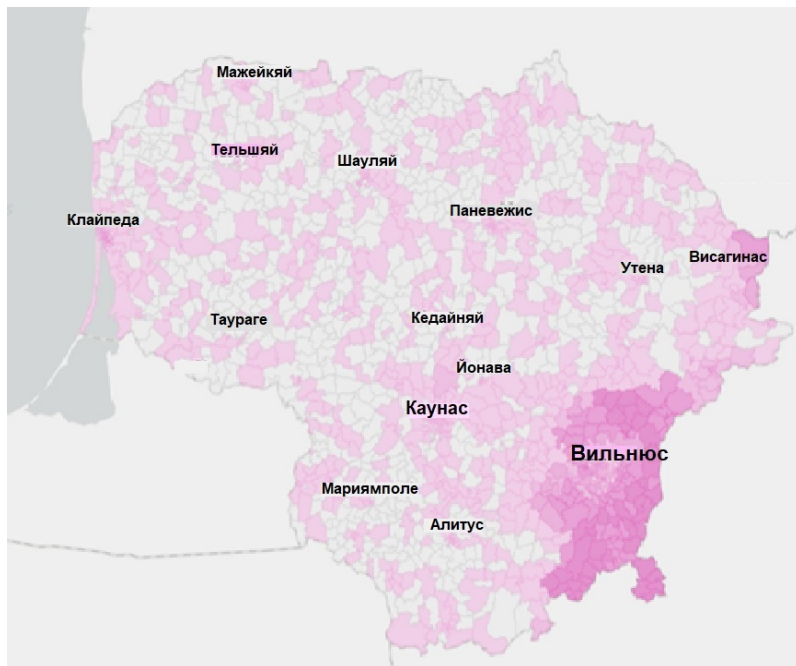

Рис. 5.
**Интенсивность голосования за ИАПЛ-СХС
на выборах в Сейм в 2020 г.¹**

«Избирательная акция поляков Литвы – Союз христианских семей» в нынешнем виде – наиболее сильная в стране политическая партия, представляющая этнотерриториальные интересы. Ее прямой конкурент по этническому голосованию – «Польская народная партия» – на местных выборах 2002 г. смогла добиться избрания только одного своего кандидата в Вильнюсском районе, а в

¹ Источник данных: Центральная избирательная комиссия Литвы. – Режим доступа: <https://rinkimai.maps.lt/rinkimai2020/seimas/> (дата посещения: 14.06.2022).

2004 г. все девять кандидатов от партии потерпели поражение. В 2010 г. партия отказалась от этнотерриториального профиля своей программы и сменила этнически окрашенное название на более нейтральное – «Республиканская лига». По сути, ИАПЛ-СХС в совершенных этнитетах Вильнюсского уезда фактически конкурирует с общелитовскими партиями за голоса этнических поляков [Бусыгина, Онищенко, 2019]. В пропорциональной части парламентских выборов партии удавалось завоевывать депутатские мандаты в 1992, 2012 и 2016 гг., тогда как в одномандатных округах на всех выборах партия добивалась избрания хотя бы одного кандидата.

Таблица 8

**Число мандатов, полученных ИАПЛ-СХС
в пропорциональной (I) и мажоритарной (II) части
на выборах в Сейм**

	1992	1996	2000	2004	2008	2012	2016	2020
I	2	0	0	0	0	5	5	0
II	2	1	2	2	3	2	3	3

На выборах в районные самоуправления в пределах совершенных этнитатов Вильнюсского уезда ИАПЛ-СХС имела больший успех. Так, на выборах 2019 г. партия в коалиции с «Русским альянсом» добилась избрания 20 своих кандидатов в Шальчининском районе, 19 – в Вильнюсском районе и четырех – в Швенчёнском. По всей стране было избрано 54 депутата от партии¹. Расчет линейного коэффициента корреляции Пирсона по показателю этнического представительства польского меньшинства и голосования за кандидатов ИАПЛ-СХС для Шальчининского района составил 0,9919; для Вильнюсского района – 0,9822, для Швенчёнского района (где поляки составляют 24,3%, и где лишь д. Магунай и г. Пабраде являются совершенными этнитетами) – –0,7096. Соответственно, можно заключить, что в этнитетах Шальчининского и Вильнюсского районов влияние этнотерриториаль-

¹ 2019 m. kovo 3 d. savivaldybių tarybų rinkimai (II turas). – Mood of access: <https://www.vrk.lt/2019-savivaldybiu-tarybu/rezultatai?srcUrl=/rinkimai/864/2/1504/rezultatai/lt/rezultataiSavSavivaldybiuSarasas.html> (accessed: 21.06.2022).

ных факторов на электоральное поведение очень высокое, а для Швенчёнского района – высокое отрицательное.

Выводы

Учитывая несколько показателей: категорию локалитета этнического разнообразия, долю политического представительства этнических меньшинств, связанность территории с этнической партией, выраженность этнического голосования, – нами предложена шкала оценивания. Оценка по каждому этниту проводилась в пределах одного электорального цикла.

Таблица 9

Индексация критериев итогового ранжирования

Индекс	Категория локалитета	Доля политического представительства	Связанность территории с этнической партией	Выраженность этнического голосования
3	Совершенный этнитет	Высокая (большинство)	Сильная (постоянные выдвижения в каждом электоральном цикле)	Сильная (линейный коэффициент Пирсона 0,70)
2	Несовершенный этнитет	Средняя (паритет)	Умеренная (периодические выдвижения)	Умеренная (0,31–0,69)
1	Район этнического паритета	Низкая (меньшинство)	Слабая (единичные выдвижения)	Слабая (0–0,30)
0	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует (отрицательный)

Нам удалось ранжировать далеко не все этнитеты и районы этнического паритета по всем показателям в силу малой размерности некоторых из них, а также отсутствия доступа к подробным данным о развертывании и результатах избирательных кампаний на местах (д. Сверкос, д. Мядининкай, г. Пабраде, д. Яунюнай, г. Лентварис, волости: Муствез, Пейпсиэере, Ряпина). Ранжирование остальных этнитетов представлено в итоговой таблице.

Таблица 10

**Итоговое ранжирование локалитетов
этнического разнообразия**

Этнитет	Категория локалитета	Доля политического представительства	Связанность территорий с этнической партией	Выраженность этнического голосования	Сумма
г. Нарва	3	3	3	3	12
Ида-Вирумаа	3	3	3	3	12
г. Даугавпилс	3	3	3	3	12
г. Висагинас	3	3	3	3	12
Шальчининский район	3	3	3	3	12
Вильнюсский район	3	3	3	3	12
Даугавпилсский край	3	2	3	3	11
Зилупский край	3	2	2	2	9
г. Рига	2	2	3	2	9
г. Резекне	2	2	2	2	8
Саласпилсский край	2	2	2	2	8
г. Таллин	1	2	3	2	8
Харьюмаа	1	2	2	2	7
Олайнский край	2	1	1	2	6
Швенчёнский район	1	1	3	0	5
Резекненский край	1	1	2	1	5
г. Юрмала	1	1	1	1	4
Краславский край	2	1	0	1	4
г. Вентспилс	1	1	1	0	3
г. Лиепая	1	1	0	0	2
г. Елгава	1	1	0	0	2
Екабпилсский край	1	0	0	0	1
Ропажский край	1	0	0	0	1
Прейльский край	1	0	0	0	1

Подводя итог, мы разделили все ранжированные этнитеты Прибалтики на три большие группы:

- со слабым влиянием этнотерриториальных факторов (0–3 балла);
- с умеренным влиянием (4–8 баллов);
- с сильным влиянием (9–12 баллов).

В первую группу, за исключением Риги, входят только совершенные этнитеты, где высока доля политического представительства

этнических меньшинств, выражены этнотерриториальные связи и этническое голосование. Вместе с тем простое сопоставление результатов по Вильнюсскому району и г. Нарве, например, показывает различия в характере проявлений этнотерриториальности в местной политике, а не только в ее содержательном наполнении. Во второй группе встречаются несовершенно этнитеты, здесь этнотерриториальные факторы электорального поведения выражены в ослабленном виде. Как представляется, в дополнительном изучении нуждаются идентичные показатели по г. Резекне и Саласпилсскому краю, а также максимально приближенные результаты шкалирования по г. Таллину и Харьумаа. По всей видимости, материалы столичных городов в трех странах также требуют отдельного внимания и дальнейшего углубленного изучения. Третья группа, в которую вошли только локалитеты Латвии, интересна практически полным отсутствием этнотерриториальных проявлений в политической жизни. Такое положение дел скорее всего связано с исчерпанием этнополитического ресурса, который в городах и районах этой группы был активно задействован в 1990-е годы, в силу миграционных процессов, неблагоприятного демографического фона, изменения условий натурализации, экономических или иных социальных причин. Мы не ставили перед собой задачу отыскать общую объяснительную рамку, выдвинутая нами гипотеза нашла подтверждение на примере совершенных этнитетов. Действительно, этнотерриториальность выступает мощным фактором разворачивания политических процессов, сила ее воздействия проявляется дискретно, нередко она выступает спящим ресурсом активизации местной политики.

I.N. Tarasov, M.I. Krishtal, E.E. Urazbaev*
**Influence of ethno-territorial factors on electoral practices
in the Baltic states**

Abstract. The article reveals the problems of the influence of ethno-territorial factors on electoral behavior in the Baltic states. Particular attention is paid to the issues

* **Tarasov Ilya**, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), e-mail: ITarasov@kantiana.ru; **Krishtal Mikhail**, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), e-mail: MKrishtal@kantiana.ru; **Urazbaev Evgeniy**, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), e-mail: yrazbaev@gmail.com

of settlement, the formation of local ethnicities and the related effects of ethnic voting, changes, and sustainability of electoral preferences. The article analyzes a vast array of statistical data on the ethnic structure of individual administrative units of the Baltic states, on the results of elections and the development of ethno-political processes in Latvia, Lithuania, and Estonia. Based on formalized criteria, an initial working typology of ethnicities is proposed with their division into perfect, imperfect and areas of relative ethnic parity. Considerable attention is paid to revealing the assumption about the uneven manifestation of ethnic voting, even in ethnic groups close in their ethno-demographic characteristics. As the analysis deepens and checks the initial provisions on the longevity of ethnicities, the stability and volatility of electoral preferences, the correlation between ethnic settlement and ethnic voting, the authors come to clarify the working typology by ranking the Baltic ethnicities according to the influence of ethno-territorial factors on electoral processes. Based on the study of individual practices of political subjects in the development of ethnic localities, an attempt was made to schematize the foundations of the ethno-territorial differentiation of the Baltic states. In conclusion, the essence of the uneven influence of ethno-territorial factors is revealed, a refined typology of ethnicities in the Baltic states is proposed, considering several indicators.

Keywords: the Baltic states; ethnicity; ethnic voting; ethno-territorial factors; resettlement.

For citation: Tarasov I.N., Krishtal M.I., Urazbaev E.E. Influence of ethno-territorial factors on electoral practices in the Baltic states. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 207–239. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.10>

References

- Akhremenko A.S. The space of electoral choice: models and concepts (part one). *Moscow university bulletin. Series 12. Political science*. 2007, N 1, P. 45–55. (In Russ.)
- Busygina I.M., Onishchenko A.D. The Polish minority in the Republic of Lithuania: internal and external factors. *Baltic region*. 2019, Vol. 11, N 1, P. 43–59. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-4> (In Russ.)
- Farukshin M. Kh. Problem of ethnic voting in international discourse. *Sociological studies*. 2016, N 5 (385), P. 80–86. (In Russ.)
- Forest B. Electoral redistricting and minority political representation in Canada and the United States. *Canadian Geographer / Le Geographe canadien*. 2012, Vol. 56, N 3, P. 318–338. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1541-0064.2012.00437.x>
- Goodnow R., Moser R.G. Layers of ethnicity: the effects of ethnic federalism, majority-minority districts, and minority concentration on the electoral success of ethnic minorities in Russia. *Comparative political studies*. 2012, Vol. 45, N 2, P. 167–193. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414011421310>
- Hameleers M., de Vreese C.H. To whom are “the people” opposed? Conceptualizing and measuring citizens’ populist attitudes as a multidimensional construct. *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*. 2020, N 2, P. 255–274.

- Hare C., Highton B., Jones B. The Space of American Public Opinion: Ideological Dimensionality in Models of Political Behavior. Available at SSRN 3805016. 2021, P. 1–57.
- Krishtal' M.I. Cooperation with Russia and the current state of the Russian language community on the agenda of the 2018 election to the seimas of Latvia. *RUDN Journal of political science*. 2019 b, Vol. 21, N 4, P. 718–728. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-718-728> (In Russ.)
- Krishtal' M.I. Ideological and political distance of “Russian” parties in Latvia. *Vlast'*. 2019 a, Vol. 27, N 1, P. 153–157. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6243> (In Russ.)
- Lanko D.A. Party-political system of the Republic of Estonia in the mid-2010 s. *Baltic region*. 2015, N 2 (24), P. 67–77. DOI: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-2-5> (In Russ.)
- Mölder M. Analysing European Political Spaces through Pairwise Comparisons and Multidimensional Scaling. Paper presented at the ECPR General Conference in Hamburg. 2018, P. 1–22.
- Musaev V.I. Independence of the Baltic States and the “Russian question”. *Noveishaia istoriia Rossii*. 2017, N 2, P. 176–191. (In Russ.)
- Okunev I. Iu., Zhirnova L.S. Ethnic split in the electoral behavior of Latvia. *Scientific-analytical journal «Obzrevatel'–Observer»*. 2019, N 11, P. 78–90. (In Russ.)
- Oskolkov P.V. Estonia's party system today: electoral turbulence and changes in ethno-regional patterns. *Baltic region*. 2020 a, Vol. 12, N 1, P. 4–15. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-1-1> (In Russ.)
- Oskolkov P.V. Ethnic parties and ethnic voting: conceptualization problems and development factors. *World economy and international relations*. 2020 b, Vol. 64, N 8, P. 112–118. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-8-112-118> (In Russ.)
- Panov P.V. Ethnic and regional parties in the cee countries: special features and trajectories of development. *Bulletin of Perm university. Political science*. 2020, Vol. 14, N 3, P. 20–34. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-3-20-34> (In Russ.)
- Rabushka A., Shepsle K.A. *Politics in plural societies: A theory of democratic instability*. Columbus: Charles Merrill, 1972, 232 p.
- Rose R. *Governing without consensus: An Irish perspective*. Boston: Beacon press, 1972, 567 p.
- Shepard R.N. The analysis of proximities: multidimensional scaling with an unknown distance function. *Psychometrika*. 1962, N 2, P. 125–140.
- Solopenko A.V. Comparison of the electoral behavior of Russian-speaking citizens of Latvia and Estonia in the parliamentary elections in 2011–2015. In: Klemeshev A.P., Mezhevich N.M., Fedorov G.M. (ed.). *Baltic studies in Russia: Proceedings of the International Scientific Conference*. Kaliningrad: Publishing House of the Baltic Federal University. Immanuel Kant, 2016, P. 163–167. (In Russ.)
- Tarasov I.N. Elections in Poland and Lithuania in 2020. In: Fedorov G.M. (ed.). *Challenges and prospects for the development of the kaliningrad region: geopolitics and geoeconomics*. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University, 2021, P. 68–70. (In Russ.)

- Tarasov I.N. Instruments of ethnic policy in Latvia. *South-Russian journal of social sciences*. 2019, Vol. 20, N 2, P. 34–44. DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-20-2-34-44> (In Russ.)
- Urazbaev E.E., Iamalova E.N. The ethno-political movement as a vehicle for nationalism institutionalisation in modern Latvia. *Baltic Region*. 2020, Vol. 12, N 2, P. 54–69. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-4> (In Russ.)
- Vorotnikov V.V. Party «Harmony» in the parliamentary elections in Latvia 2018: victory without a winner. *Scientific and analytical herald of IE RAS*. 2018, N 5, P. 85–90. DOI: <https://doi.org/10.15211/vestnikieran520188590> (In Russ.)
- Wolfinger R.E. The Development and Persistence of Ethnic Voting. *The American political science review*. 1965, N 59(4), P. 896–904.
- Zaionchkovskaja Zh.A. Migration of the population of the USSR and Russia in the XX century: evolution through cataclysms. *Problemy prognozirovaniia*. 2000, N 4, P. 1–15. (In Russ.)
- Zhirnova L.S. Regional trends in electoral support for Latvian parties: neighborhood factor. *Baltic Region*. 2022, Vol. 14, N 1, P. 138–158. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-9> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Ахременко А.С. Пространство электорального выбора: модели и концепции (часть первая) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2007. – № 1. – С. 45–55.
- Бусыгина И.М., Онищенко А.Д. Положение польского меньшинства в Литовской Республике: внутренние и внешние факторы влияния // Балтийский регион. – 2019. – Т. 11, № 1. – С. 43–59. – DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-4>
- Воротников В.В. Партия «Согласие» на парламентских выборах в Латвии 2018 года: победа без победителя // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 5. – С. 85–90. – DOI: <https://doi.org/10.15211/vestnikieran520188590>
- Жирнова Л.С. Региональные тенденции электоральной поддержки латвийских партий: фактор соседства // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14, № 1. – С. 138–158. – DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-9>
- Зайончковская Ж.А. Миграция населения СССР и России в XX веке : эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. – 2000. – № 4. – С. 1–15.
- Кришталь М.И. Идеологическая и политическая дистанция «русских» партий Латвии // Власть. – 2019 а. – Т. 27, № 1. – С. 153–157. – DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6243>
- Кришталь М.И. Сотрудничество с Россией и положение русскоязычной общины на повестке дня выборов в сейм Латвии 2018 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2019 б. – Т. 21, № 4. – С. 718–728. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-718-728>
- Ланко Д.А. Партийно-политическая система Эстонской Республики в середине 2010-х годов // Балтийский регион. – 2015. – № 2 (24). – С. 67–77. – DOI: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-2-5>

- Мусаев В.И.* Независимость стран Балтии и «русский вопрос» // Новейшая история России. – 2017. – № 2. – С. 176–191.
- Окунев И.Ю., Жирнова Л.С.* Этнический раскол в электоральном поведении Латвии // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2019. – № 11. – С. 78–90.
- Осколков П.В.* Партийная система Эстонии на современном этапе: электоральная турбулентность и смена этнорегиональных паттернов // Балтийский регион. – 2020 а. – Т. 12, № 1. – С. 4–15. – DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-1-1>
- Осколков П.В.* Этнические партии и этническое голосование: проблемы концептуализации и факторы развития // Мировая экономика и международные отношения. – 2020 б. – Т. 64, № 8. – С. 112–118. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-8-112-118>
- Панов П.В.* Этнические и региональные партии в странах Центральной и Восточной Европы: специфика и траектории развития // Вестник Пермского университета. Политология. – 2020. – Т. 14, № 3. – С. 20–34. – DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-3-20-34>
- Солопенко А.В.* Сравнение электорального поведения русскоязычных граждан Латвии и Эстонии на парламентских выборах в 2011–2015 годах // Прибалтийские исследования в России: материалы Международной научной конференции / под ред. А.П. Клемешева, Н.М. Межевича, Г.М. Федорова. – Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2016. – С. 163–167.
- Тарасов И.Н.* Выборы в Польше и Литве в 2020 году // Вызовы и перспективы развития Калининградской области: геополитика и геоэкономика / под ред. Г.М. Федорова. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2021. – С. 68–70.
- Тарасов И.Н.* Инструменты этнической политики в Латвии // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20, № 2. – С. 34–44. DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-20-2-34-44>
- Уразбаев Е.Е., Ямалова Э.Н.* Этнополитическое движение как проводник институционализации национализма в современной Латвии // Балтийский регион. – 2020. – Т. 12, № 2. – С. 54–69. – DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-4>
- Фарукишин М.Х.* Проблема этнического голосования в зарубежном дискурсе // Социологические исследования. – 2016. – № 5 (385). – С. 80–86.